

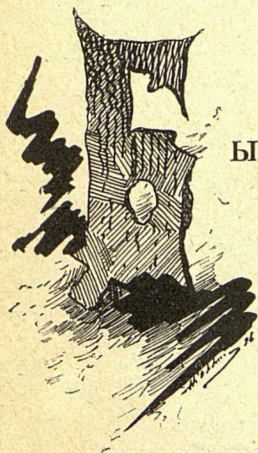
Свѣтлячокъ

1903 г. ◦ годъ II. ◦ № 5.

Храбрая крыса.

I.

Была темная, декабрьская ночь... На теплой плитѣ спалъ котъ Мурка. Это было его любимымъ мѣстомъ, въ особенности въ морозы, и такъ какъ онъ былъ уже почтеннымъ котомъ, въ лѣтахъ, то забирался спать чуть ли не съ восьми часовъ вечера, какъ только Акулина отстряпается.

Муркъ снились хорошія вещи... Онъ видѣлъ, что хозяйева и Акулина любятъ его, ласкаютъ и, кромѣ печенки, угощаютъ сливками. Онъ видѣлъ еще, что сдѣлался молодымъ и такимъ проворнымъ и сильнымъ, что можетъ лазать по деревьямъ за птицами.

Много, вообще, интересныхъ вещей видѣлъ Мурка... и вдругъ проснулся отъ страшнаго шума. Что-то неистово царапалось и скреблось въ углу, у водопровода.

Мурка соскочилъ съ плиты, бросился къ углу у раковины, гдѣ было ведро и приткнулась самоварная труба, и насторожился.

Онъ зналъ, что царапается и скребется крыса, и его немного смущало, во-первыхъ, то, что Акулина всегда загораживала проходъ ведромъ и трубою, а, во-вторыхъ,—ужь очень большой шумъ, который подняла крыса.

„Должно-быть, это очень большая и храбрая крыса!“ — думалъ Мурка, — „вонъ какъ скребется! Отъ маленькой такого шума не бываетъ! Маленькая—что! Ударилъ ее хорошенько когтистой лапой,—только пискнетъ! Ну, а эта... Вонъ какую возню подняла! Даже моего духа не боится! Съ этой повоозишься! Еще вцѣпится въ губу или въ носъ... Что тогда? Бывали, вѣдь, случаи, что и нашъ братъ, котъ, удиралъ отъ крысы! Какая тоже крыса!.. Другая, ежели храбрая... вцѣпится“...

Мурка постоялъ, постоялъ надъ угломъ, гдѣ въ ящикѣ водопроводной трубы шла возня,

подумалъ; потомъ вздохнулъ и отправился на плиту.

Ему было немножко совѣстно, что онъ не выполнилъ котовой обязанности,—не сразился съ крысой, и онъ не спалъ, а смущенно смотрѣлъ въ тотъ конецъ кухни, гдѣ спала Акулина.

„И чего она такъ крѣпко спить!“ — думалъ онъ, — „тоже прислуга! Другая прислуга встала бы, взяла бы щипцы, вонъ что у плиты стоятъ, да этими бы щипцами—крысу... Ну, и я бы тутъ, конечно, кое въ чемъ помогъ, а эта спить, какъ-будто не ея и дѣло, что на кухнѣ шумъ.“

II.

Шумъ, дѣйствительно, былъ такой сильный, что разбудилъ спавшаго въ сосѣдней комнатѣ фоксъ-терьера Юма. Это былъ очень изнѣженный песъ, спавшій вмѣстѣ съ хозяиномъ на кровати и не любившій холодной погоды.

Его дѣдъ и отецъ жили у одного графа на конюшнѣ, спали на соломѣ, ловили крысъ, а когда графъ выѣзжалъ на прогулку въ высокомъ англійскомъ кабриолетѣ, то ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы бѣжать сзади и даже подъ экипажемъ.

Юмъ по натурѣ тоже былъ способенъ ловить крысъ, но ему ни разу не приходилось этого дѣлать, такъ какъ обязанности эти взялъ на себя Мурка.

Но когда Юмъ проснулся отъ шума на кухнѣ, то вышелъ туда черезъ открытую дверь, подошелъ къ раковинѣ и сталъ прислушиваться... Царапанье стихло, потомъ началось съ удвоенной силой.

„Вотъ крыса такъ крыса!“ — разсуждалъ Юмъ, — „должно-быть, съ хорошую кошку!.. Удивительно, что Мурка лежитъ на плитѣ, не спитъ и даже не подумаетъ ее схватить! Кажется, сильный котъ, я видѣлъ, какіе у него когти, а вотъ не идетъ, боится! Навѣрно, боится! Эхъ, мнѣ бы его когти! Я бы такъ ударилъ, что сразу положилъ бы крысу на мѣстѣ!.. Я бы... Однако, какъ она скребется! Того и гляди выскочить! Храбрая!.. Да какъ вцѣпится еще въ губу!.. Чтò тогда? Вѣдь больно будетъ!.. Чего мнѣ тутъ? Да и не мое дѣло ловить крысъ! Довольно того, что я умѣю высоко прыгать! А драться съ крысами... Да ну ихъ совсѣмъ!

Думая такъ, Юмъ пятился, пятился отъ водопровода и незамѣтно очутился въ комнатѣ.

Тамъ онъ вскочилъ къ хозяину на кровать, ловко юркнулъ въ ноги, подъ одѣяло, и свернулся колачикомъ.

„Пусть, молъ, тамъ безъ меня что угодно дѣлается!..“

III.

Что же происходило въ деревянной обшивкѣ водопроводной трубы?

Разгуливая ночью изъ одной квартиры въ другую, черезъ разныя норки и щелки, и привлеченная вкуснымъ запахомъ стараго сыра, корки котораго находились въ ведрѣ, немолодая крыса средней величины спустилась изъ верхняго этажа въ нижній и искала какого-нибудь выхода изъ трубы, чтобы выйти на кухню и полакомиться изъ ведра корками.

Но выхода не было! Мало того, труба оказалась довольно узкою, и крысѣ трудно было повернуться въ ней, чтобы идти обратно, — впередъ же почти было некуда.

На бѣду крыса почувяла присутствіе на кухнѣ кота и ясно слышала храпѣніе Акулины...

Малѣйшее неосторожное движеніе, и она пропала! А между тѣмъ ей необходимо нужно было выбраться изъ тупика, и, главное, — повернуться.

Она попробовала сдѣлать усиліе,—не тутъ-то было!.. Попробовала еще,—опять никакого толку.

А между тѣмъ тамъ, въ верхней квартирѣ, въ уютной норкѣ ее ждали маленькіе крысенята. И она должна была принести имъ кое-чего покусать.

Ну, что, если она не вернется, и дѣти ея погибнуть съ голода?

Отчаяніе напало на крысу, и она начала изо всѣхъ силъ выдираться изъ узкаго мѣста, въ которомъ застряла.

Она слышала духъ кота, находившагося отъ нея на разстояніи какихъ-нибудь трехъ-четырехъ вершковъ, слышала, какъ 'фыркалъ фоксъ-терьеръ, но желаніе спастись во что бы то ни стало ради дѣтей, которымъ она нужна, заставило ее забыть объ опасности, и она, ломая когти, скреблась и царапалась до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не зная какъ, повернулась въ деревянномъ ящикѣ и со всѣхъ ногъ пустилась бѣжать вверхъ.

Такъ вотъ какая это было храбрая крыса!

Каз. Баранцевичъ.

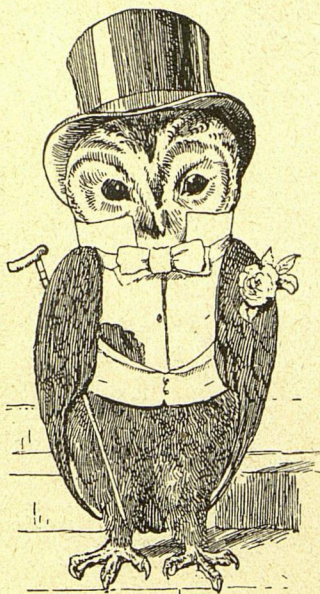

Какъ вамъ она нравится?

Кому лучше?

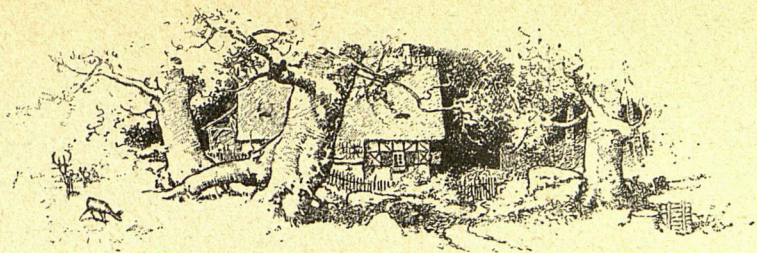
Филинъ жилъ богато очень,
Цѣлый день былъ озабоченъ,
Что поѣсть, чего испить,
Чѣмъ себя повеселить.
Воробей—его знакомый,
Отъ него жилъ за два дома,
Тамъ онъ дворникомъ служилъ,
Жилъ тихонько, не тужилъ.
Воробей былъ дворникъ ловкій,
Малый съ удалю, съ сноровкой,
Онъ работалъ день-денской
И доволенъ былъ собой...
Получалъ онъ, какъ мы знаемъ,
И харчи, и сахаръ съ чаемъ,
И въ награду пять рублей,
Вотъ какой былъ воробей!..

Какъ-то встрѣтилъ друга филинъ
И сказалъ:—„Богатъ я, силенъ,
А не знаю отчего
Тошно мнѣ ото всего!
А тебѣ, поди, завидно
И досадно, и обидно,
Что я такъ разбогатѣлъ
И высоко залетѣлъ“...
Воробей какъ захохочетъ...
—„Вижу, другъ меня морочить...
Я работаю весь день,
И невѣдома мнѣ лѣнь.
Глянь,—на лапахъ-то мозоли,
Но, живя на вольной волѣ,
Мы съ терпѣньемъ да трудомъ

Всюду счастье найдемъ.
Не хитро,—хоть нѣтъ охоты,—
Мнѣ отъ тяжелой-то работы
Къ праздной жизни перейти,
Жить въ довольствѣ и чести!..
Но тебѣ, богатой птицѣ,
Чай, обидно внизъ спуститься,
Снять цилиндръ, да фракъ
Цвѣтной,
И пойти гулять съ метлой...“
И пошелъ мой филинъ мимо,
А печаль неудержимо
Сердце гложетъ и грызетъ,
И покою не даетъ...
А воробышекъ встряхнулся,
Только въ лапку усмѣхнулся—
И бѣжить уже стрѣлой
За дровами и водой...

А. Доровъ.

Убѣгу!

ПЕСА ВЪ ДВУХЪ СЦЕНАХЪ.

ДѢИСТВУЮЩІЕ:

Г-жа Ильменева.

Боря 10 л.

Костя 12 л.

Наташа 11 л.

} ея дѣти.

Степанида, кухарка.

Васька, точильщикъ.

Маша, горничная дѣ-
вочка.

СЦЕНА I-я. *Комната въ квартирѣ Ильменевыхъ.*

ЯВЛЕНІЕ I.

Костя и Наташа (*съ куклой*).

Костя (*читаетъ*). Толпа краснокожихъ набросилась на капитана. Томагауки поднялись надъ головою, и онъ закрылъ глаза, какъ вдругъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Боря (*вбѣгаетъ*).

Боря. Въ циркъ, въ циркъ!.. Мы ѣдемъ сегодня въ циркъ!..

Наташа. Да что ты? Достали билетъ?..

Боря (*насмѣшливо*). Нѣтъ, потеряли, глупышка!

Наташа (*обидчиво*). Фу, грубый какой!..

Боря (*ухорски*). А ты что книгу читаешь?
Брось, ну ее... Охота тоже.

Костя. Оставь пожалуйста. (*Читаетъ.*)

Боря (*вышибаетъ книгу изъ рукъ*). Вотъ тебѣ, профессоръ!..

Костя. Это безобразіе что такое!.. Маму только разстраивать не хочется, а слѣдовало бы рассказать ей про твои продѣлки!

Боря (*поетъ въ юлосъ*). Расскажи, расскажи, пофискаль, мой милый... А вотъ тебѣ носъ-носище, что твое топорище!.. (*натягиваетъ носъ*), что, хорошъ?..

Костя. И откуда у тебѣ ухватки, такія? и чего ты радуешься?

Наташа (*насмѣшливо*). Вчера единицу получилъ!..

Боря (*поетъ*). И не одну, а двѣ...

Костя. Школяръ!..

Наташа. Настоящій приготовишка...

Боря. А вы тюри!.. Взбучку бы вамъ хорошую задать! Вотъ что! (*Вырываетъ у Наташи куклу и швыряетъ ее на шкапъ*). На вотъ.

Наташа. Ахъ!.. (*Плачетъ.*)

Костя. Слушай, это безсовѣстно. (*Хочетъ поймать ея.*)

Боря (*увертываясь*). Ну-ка, ну-ка, попробуй!..

Костя. Я и возиться-то съ тобой не хочу!.. Гдѣ книга?

Боря (*схвативъ книгу, бросаетъ ее за шкафъ*). Книга—тю-тю!..

Костя. Да что съ тобой?.. ты съ ума сошелъ!..

Боря. Весело мнѣ, вотъ и все... Въ циркъ поѣдемъ. А тамъ клоуны—вотъ такъ... на рукахъ... да на четверенькахъ... Да потомъ колесомъ... разъ!.. (*Поднимаетъ ногу и роняетъ столикъ съ китайской вазочкой и цвѣтами.*) Ай!..

Костя. Доигрался?.. Очень радъ!..

Боря (*ползая по полу*). Господи!.. Господи!.. Какъ это вышло?.. Какъ это онъ подвернулся... (*собираетъ кусочки.*) Вѣчно эта Степаида не приберетъ и наставитъ на дорогѣ мебель.

Костя. Вотъ ужъ это хуже всего: самъ на-творилъ бѣдъ, а другихъ винить!..

Наташа. Очень мило!..

Боря (*внѣ себя*). Уйдите вы... слышите!.. Я васъ... (*Замахивается юрстью земли и бросаетъ въ нихъ.*) Вотъ вамъ...

Костя. Пойдемъ къ мамѣ! Съ нимъ не справишься... Его надо связать по рукамъ и по ногамъ! (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Боря (*одинъ; въ отчаяніи*). Что я надѣлалъ!.. Боже мой!.. какой день!.. И эти единицы, бальникъ... и ваза... А, можетъ, мама не увидитъ, что я въ бальникъ вырвалъ страничку!.. Господи, Боже мой, какой я несчастный!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Боря и Ильменева.

Ильменева. Очень хорошо вы себя ведете. Это стыдъ, это Богъ знаетъ что такое?.. Всѣмъ надоѣдаешь... пристаешь, обижаешь. Боря, Боря! что съ тобою стало, я тебя не узнаю! Откуда эти грубыя манеры и ухватки?.. И потомъ озорство какое-то?.. Не стыдно тебѣ?

Боря (*упрямо*). Нѣтъ... нисколько!..

Ильменева. И потомъ, что ты надѣлалъ съ бальникомъ. Папа замѣтилъ сразу. Ты вырвалъ страничку, гдѣ стояли дурныя отмѣтки?..

Боря. Ничего я не знаю!

Ильменева (*сухо*). Очень жаль. Ты останешься здѣсь. Обѣдать будешь отдѣльно отъ другихъ. Въ циркъ не поѣдешь. И будешь переписывать вотъ этотъ французскій рассказъ. (*Подаетъ книгу.*)

Боря (*машинально беретъ ее*).

Ильменева. Въ 10 часовъ ты ляжешь спать, чтобы утромъ легче было тебѣ вставать въ гимназію. Слышишь?.. (*уходитъ*).

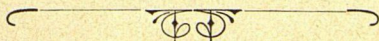
ЯВЛЕНІЕ V.

Боря. (*одинъ*). А?.. оставаться... работать... когда другіе будутъ тамъ... въ циркѣ... (*Рветъ книгу.*) Вотъ тебѣ... вотъ тебѣ, дурацкая книга... въ клочья тебя разорву, а потомъ о полъ, а потомъ ногою—въ каминъ... вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!.. (*Въ изнеможеніи падаетъ на диванъ и плачетъ.*) Никто, никто не любитъ меня... всѣ бранятъ, сердятся... Можно ли такъ жить?.. Нѣтъ, убѣгу, отсюда прочь... подальше отъ нихъ, ото всѣхъ, отъ этой гимназіи... буду жить на свободѣ... вольной птицей... жить и ничего не дѣлать... Господи, что я за несчастный?.. Есть ли кто-нибудь на свѣтѣ несчастнѣе меня!.. Убѣгу, убѣгу, нынче же ночью убѣгу... ищите меня, думайте обо мнѣ... А я буду и буду смѣяться надъ вами!..

Занавѣсъ.

(*До слѣдующей книжки.*)

В.-Д.

На снѣгу *).

Вернувшись въ городъ, мы съ восторгомъ рассказывали дома и своимъ товарищамъ о томъ, что мы построили себѣ на дачѣ снѣжный домикъ съ окнами, трубою и печкою.

Но на этомъ наша работа изъ снѣгу не остановилась. Ободренные первой удачей, мы стали мечтать о сооруженіи фигуръ людей и животныхъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ ждали мы слѣдующей поѣздки за городъ и очень беспокоились о судьбѣ снѣжного домика.

На слѣдующій разъ заинтересованные рассказами о нашей работѣ въ снѣгу, съ нами поѣхали еще двое мальчиковъ, а также сестренка моихъ друзей, которая неотступно упрашивала свою мать свезти ее посмотреть нашъ снѣжный домикъ.

А у насъ между тѣмъ созрѣлъ планъ устроить звѣринецъ.

По пріѣздѣ на дачу мы на станціи еще узнали отъ Алешки, пришедшаго насъ встрѣтить, что „по дому все благополучно“, и что онъ стоитъ цѣлехонекъ. Мы пріѣхали утромъ; „дамы“ же должны были пріѣхать послѣ полудня.

Мы задумали угостить ихъ каштанами, испеченными въ нашемъ очагѣ, и потому захватили изъ города фунта два сырыхъ каштановъ. Развели нашъ очагъ и для пробы испекли нѣсколько штукъ; каштаны немного пригорѣли, но показались намъ тѣмъ не менѣе необычайно вкусными.

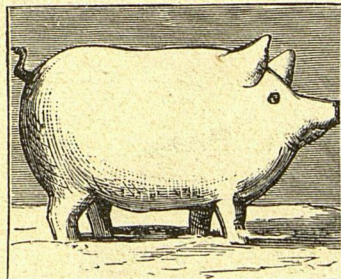
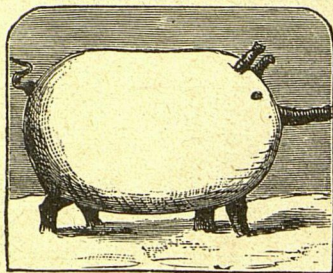
Нашъ домикъ сталъ еще лучше; его задушило ровнымъ слоемъ новаго снѣга, всѣ внѣшнія неровности покатыхъ стѣнъ и крыши поэтому сгладились. Затѣмъ начали пробовать дѣлать фигуры. Остановились для начала на свиньѣ, какъ на болѣе легкой фигурѣ. Для этого сдѣлали снѣжный катышъ, придавъ ему форму большого яйца, потомъ воткнули въ утоп-

*) Продолженіе.—См. „Свѣтлячокъ“, № 4-й.

„Ты какъ сюда попалъ?“

танный снѣгъ четыре короткихъ сучка въ нѣсколько наклонномъ положеніи и осторожно наложили на нихъ яйцевидный, продолговатый катышъ—корпусъ животного; въ одинъ изъ концовъ корпуса воткнули прямой сучокъ, на который насадили небольшой катышъ и придали ему заостренную форму свиного рыла; два меньшихъ сучка, воткнутыхъ повыше, послужили основаніемъ для свиныхъ ушей. Четыре сучка, на которыхъ лежало туловище, мы облѣпили снѣгомъ и придали имъ форму ногъ. Два каштана замѣнили глаза, а закрученный обрывокъ веревочки вмѣсто хвостика придалъ свинѣ забавный видъ.

Когда пріѣхали „дамы“, мы съ поклонами встрѣтили ихъ у порога нашего „дома“, прося ихъ зайти въ него и откусать „хлѣба-соли“. Увы! только одна изъ нихъ, маленькая Анюта, сестра моихъ друзей, рѣшилась войти въ домикъ, такъ какъ взрослому человѣку можно было взойти въ него только сильно согнувшись. Мы угостили маленькую даму печеными каштанами, которые и ей пришлись по вкусу.

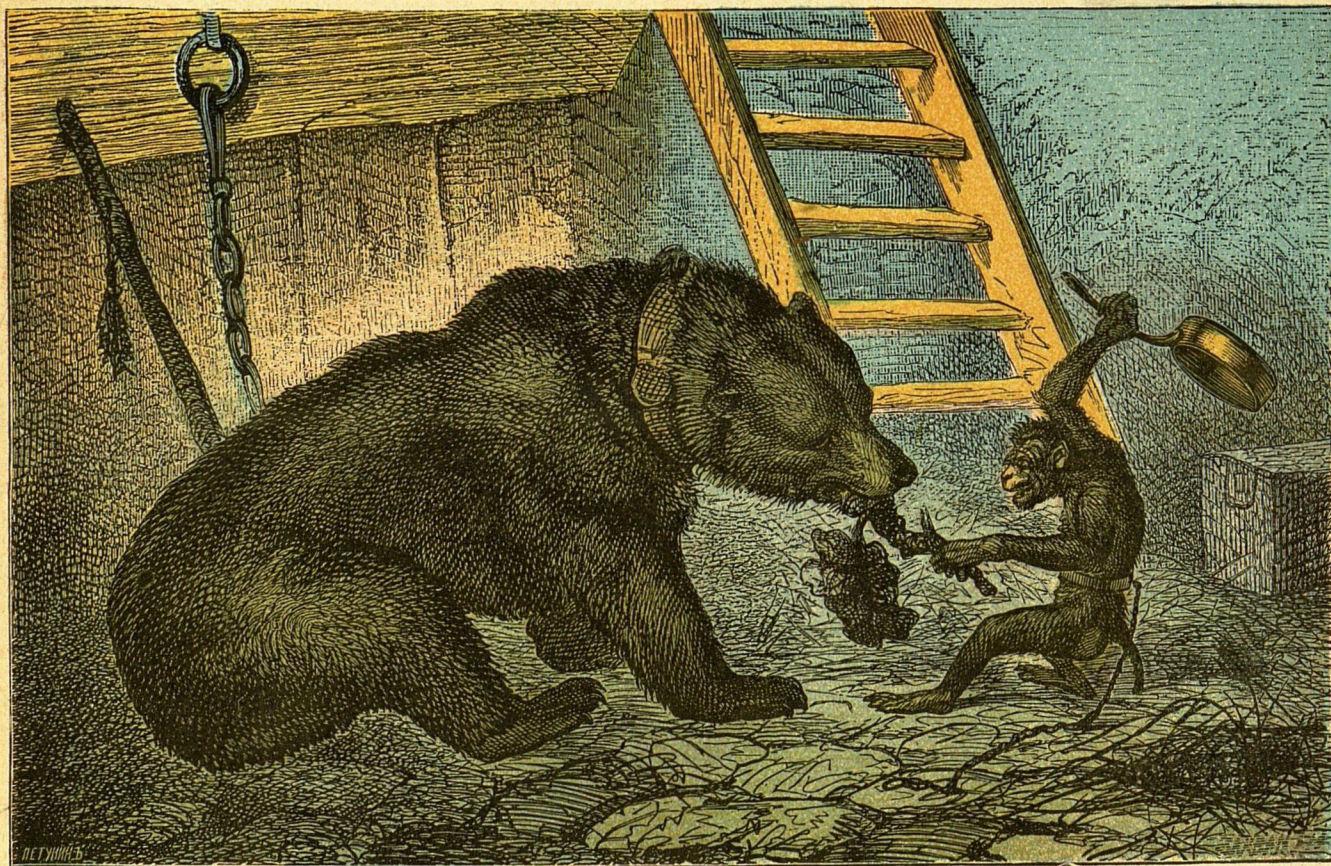
Но болѣе всего она восхищалась снѣжною свиньей съ закрученнымъ хвостикомъ; она рѣшила даже, что необходимо сдѣлать еще свинку, чтобы этой не было скучно одной.

Въ сооруженіи второй свинки она тоже приняла участіе.

Такимъ образомъ, мы обзавелись и хозяйствомъ...

В. Поповъ.

(До слѣдующей книжки.)

— „Не трогай, негодный!..